

Климатическая лихорадка

ВЯЧЕСЛАВ МИЩЕНКО,
руководитель Центра анализа стратегии
и технологий развития ТЭК
РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина

United Nations
Climate Change
COP 26
Glasgow
November 2021

Бушующая второй год пандемия в первые две недели ноября уступила новостную повестку встрече в верхах по климату. И действительно, без всякого преувеличения можно сказать, что весь современный мир с большим вниманием следил за работой конференции ООН по изменению климата, которая проходила в шотландском Глазго с 31 октября по 12 ноября 2021 года. Официальное название этого мероприятия звучит достаточно сложно для человека, не посвященного в детали мирового климатического процесса: 26-я сессия Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (КС-26 РКИК ООН). Если отойти от официальных формулировок чиновников ООН, то в двух словах по факту встречи в Глазго можно сказать следующее: первые лица государств (а это ни много ни мало 200 стран мира!) собрались в очном формате на климатический саммит в Шотландии и приняли Климатический пакт Глазго после двухнедельных споров и дебатов по всей климатической повестке.

Оценки результатов саммита в Глазго сильно разнятся: некоторые называют это мероприятие большим успехом, другие, наоборот, полным фиаско, кто-то же считает, что такие масштабные международные мероприятия — это лишь бесполезная трата времени и денег, которые можно было бы потратить на решение более насущных проблем.

Премьер-министр Великобритании, страны — организатора самми-

та, Борис Джонсон высказался с присущей ему претензией на глобальную роль в текущей мировой политике: по мнению господина Джонсона, «через несколько лет весь мир оглянется на КС-26 в Глазго как на начало конца изменения климата». Звучат эти слова очень пафосно, но чтобы поверить британскому премьеру, нужно объективно оценить результаты климатического саммита, понять позиции стран-участниц до и после встречи. А еще есть вопрос более высокого порядка: почему проблематика изменения климата вызывает сейчас такой беспрецедентный живой интерес у мировых лидеров, которые готовы в самый разгар коронавирусной пандемии бросать все свои насущные дела дома и лететь на встречу по климату?

Начнем с главного — в чем же важнейшие причины развивающейся прямо на наших с вами глазах «климатической лихорадки». Даже если максимально дистанцироваться от различных конспирологических теорий, нельзя не заметить признаки некоего единого сценария во всем том, что происходит в последнее время с климатической повесткой. Нетрудно увидеть и интересы инициаторов ускоренного принятия мер по борьбе с изменением климата. На наш взгляд, речь идет в первую очередь о сохранении лидерства на мировой политической арене. Не секрет, что это лидерство до недавнего времени бесспорно признавалось за ведущими странами Запада, ну а мировым гегемоном, безуслов-

но, считались США. Можно сказать, что евроатлантическое содружество во главе с Соединенными Штатами на протяжении нескольких предыдущих десятилетий являлось законодателем всех мировых тенденций развития: от бытовых привычек до программ освоения космоса и перехода на новый экономический уклад. И вот совсем недавно вдруг стало понятно, что это лидерство уже не такое безусловное и что в мире появились новые центры силы, которые не только не хотят жить по навязываемым им правилам, но еще и начинают перехватывать инициативу в самых различных областях, набирая все больший вес за счет своих естественных преимуществ. Речь идет в первую очередь о России и Китае, но в гонку за место в списке мировых лидеров включились Индия и Бразилия. Есть еще ряд стран, которые с большим интересом следят за развернувшимся сражением за место под солнцем в меняющемся мире.

В такой ситуации нынешним мировым лидерам во что бы то ни стало нужно было создать новые инструменты влияния, поменять мировую

Некоторые называют COP26 большим успехом, другие, наоборот, полным фиаско, кто-то же считает, что такие масштабные международные мероприятия — это лишь бесполезная трата времени и денег

повестку и заставить конкурентов играть на своем поле и по своим правилам. И самым подходящим инструментом стал климат. Точнее, вопросы изменения климата. Тема сама по себе многогранна и сложна. В нее вмещаются самые разные направления жизнедеятельности человека. А в ходе климатических дискуссий ставятся под сомнения те экономические системы, которые сложились за последние десятилетия, возникают новые социальные аспекты с изменением отношения людей к окружающей среде, маркируются под негативным знаком те или иные отрасли промышленности, переформатируется отношение к энергетике и так далее.

Иными словами, с такой резкой сменой экономических и политических ориентиров создается неопределенность для многих участников мирового процесса, поскольку беспокойство об изменении климата вместо уже общих разговоров вдруг начинает приобретать фундаментальный характер и в ускоренном темпе менять привычный хозяйственный уклад, нарушая сложившиеся торговые связи и логистические цепочки.

Конечно, глобальное потепление — это объективный процесс с вполне выраженными характеристиками и научно обоснованными критериями. И борьба с загрязнением атмосферы Земли, а также предотвращение угрозы поднятия уровня воды в мировом океане — вещи насущные и вызывающие поддержку у подавляющего большинства населения нашей планеты. Но в этом-то и весь фокус: использование климатической повестки для изменения правил игры с целью сохранения мирового лидерства — это очень хорошо продуманный и умный ход. И теперь каждому субъекту мировой политики приходится в сжатых временных рамках принимать множество сложных решений, которые будут существенно влиять как на повседневную жизнь людей, так и на траекторию развития различных отраслей национальной экономики.

Но вернемся в Глазго, а точнее, к результатам саммита.

Чего удалось достичь странам-участницам в ходе встречи. Как мы

уже сказали, этот документ будет называться Климатический пакт Глазго. Его основные пункты:

1. Постепенное сокращение объемов используемого угля как самого разрушительного для экологии ископаемого топлива.
2. Анализ предпринимаемых мер и встречи на более регулярной основе.
3. Увеличение финансовой помощи бедным и развивающимся странам для борьбы с изменением климата.

Также в документе сохранена цель удержать рост среднемировой температуры в пределах 1,5 градуса. И хотя соглашение подписано делегациями почти 200 стран, практически каждый его пункт вызывает разногласия сторон.

Что нового в этом документе?

Во-первых, впервые официально упоминается негативная роль ископаемого топлива в климатическом кризисе — таких формулировок не было при подписании знакового Парижского соглашения.

Во-вторых, Климатический пакт Глазго закрепил условие постепенного сокращения субсидий на уголь и вывода угля из мирового энергетического

Премьер-министр Великобритании, страны — организатора саммита, Борис Джонсон заявил, что «через несколько лет весь мир оглянется на КС-26 в Глазго как на начало конца изменения климата»

баланса. Изначально язык пакта по отношению к углю был жестче, но под давлением представителей Индии формулировки смягчили. Индия заявила, что примет формулировку с одной поправкой — уголь должен быть постепенно сокращен (phase down), а не сокращен (phase out). Министр окружающей среды Индии Бхупендер Ядав, который выступал против жесткой формулировки по выводу угля из топливного баланса, сказал, что его стране будет сложно прекратить использование угля и отказаться от субсидий на ископаемое топливо, поскольку Индия все еще борется с бедностью.

Другие важные моменты климатических договоренностей, которые не вошли в текст итогового документа.

- Лидеры более 100 стран, на долю

которых приходится около 85% мировых лесов, пообещали остановить вырубку к 2030 году. Деревья могут поглощать огромное количество углекислого газа, поэтому прекращение обезлесения рассматривается как жизненно важный способ борьбы с изменением климата.

- Более 100 стран согласились сократить выбросы метана — одного из самых мощных парниковых газов — на 30% к концу этого десятилетия, то есть к 2030 году.
- В совместном соглашении США и Китай обязались активизировать усилия для сокращения выбросов в этом десятилетии. Китай впервые взял на себя обязательство разработать план по сокращению выбросов метана (Китай и Россия не подписали соглашение по сокращению выбросов метана).

Мнения участников саммита пестрят противоречиями.

Исполнительный директор «Гринпис Интернэшнл» Дженнифер Мор-

ган считает достижение соглашения по углю большим преимуществом для климата. «Послан сигнал о том, что эра угля заканчивается. И это имеет большое значение», — сказала она.

«Это соглашение не приблизит нас к 1,5 градуса, но лишь затруднит достижение этой цели», — заявила министр окружающей среды Швейцарии Симонетта Соммаруг.

В последнем историческом научном отчете о климате, опубликованном ООН в августе текущего года, содержится призыв к сокращению выбросов примерно вдвое к 2030 году, а к середине века — к нулевому уровню выбросов в мире, чтобы иметь хоть какую-то надежду на сохранение глобального потепления на уровне 1,5 градуса по Цельсию.

Другой важный аспект переговоров — роль богатых стран в борьбе с глобальным потеплением.

Еще в 2009 году богатые страны согласились с тем, что бедные стра-

ны будут получать не менее \$100 млрд в год из государственных и частных источников в качестве помощи для сокращения выбросов и борьбы с последствиями климатического кризиса. Но участники саммита в Глазго вынуждены были констатировать, что этот механизм так и не заработал в полной мере.

Лидеры развивающихся стран были серьезно возмущены отсутствием обещанной финансовой поддержки, что отразилось и на ходе переговоров. На саммите в этот раз

Евроатлантическое содружество во главе с Соединенными Штатами на протяжении нескольких предыдущих десятилетий являлось законодателем всех мировых тенденций развития: от бытовых привычек до программ освоения космоса и перехода на новый экономический уклад

было решено, что финансирование в следующие пять лет достигнет \$500 млрд. Но есть нюанс, который вызывает разногласия: развивающиеся страны настаивают на том, чтобы больше выделяемых денег было потрачено на адаптацию их экономики к климатической повестке, а не на сокращение выбросов. Представители ООН и лидеры некоторых стран призывали к разделению 50:50 между финансированием сокращения выбросов и адаптации,

но консенсуса по этому вопросу достигнуто не было.

Что все это значит для нас?

В Глазго приехала достаточно представительная российская делегация во главе с вице-премьером Алексеем Оверчуком. В работе саммита приняли участие: спецпредставитель президента РФ по климату Руслан Эдельгериев, глава Минприроды Александр Козлов, глава Минэкономразвития Максим Решетников, глава Росгидромета Игорь Шумаков, а также руководители ряда ведомств, представители российского бизнеса и неправительственных организаций. В то же время президент России Владимир Путин не поехал в Глазго, что вызвало критику со стороны западных лидеров, а президент США Джо Байден в своем выступлении на климатическом саммите разразился по этому поводу очередным комичным пассажем с упоминанием «горящей тундры» у Владимира Путина. Но

это все лирика, а что же в сухом остатке?

Оценку итогам саммита по возвращении дал спецпредставитель президента РФ по климату Руслан Эдельгериев.

«Россия приветствует итоговые решения 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26) в Глазго, отмечая их сбалансированный характер... Основным достижением COP26 стало завершение разработки правил реализации Парижского соглашения, включая правила по общим временным срокам для определяемых на национальном уровне вкладов, рыночным и нерыночным механизмам статьи 6 и транспарентности. Российская Федерация приветствует этот результат, который позволит в полной степени операционализировать Парижское соглашение спустя шесть лет после его принятия», — заявил Эдельгериев в своем комментарии.

Министр окружающей среды Индии Бхупендер Ядав выступил против жесткой формулировки по выводу угля в финальном тексте резолюции, так как его стране будет сложно прекратить использование угля и отказаться от субсидий на ископаемое топливо, поскольку Индия все еще борется с бедностью

Еще в 2009 году богатые страны согласились с тем, что бедные страны будут получать не менее \$100 млрд в год из государственных и частных источников в качестве «климатической помощи», но этот механизм так и не заработал

Что касается российских инициатив по климату, то их озвучил Владимир Путин во время заседания лидеров «Большой двадцатки» (G-20) в Риме, которое состоялось накануне встречи в Глазго.

Ключевые российские инициативы — усиление контроля за вырубкой леса и увеличение площади лесов, а также включение мирного атома в баланс «зеленой» энергетики. В основе этих предложений лежат прямые национальные интересы. Российские леса — это крупнейшая «фабрика» по поглощению углекислого газа в мире. Атомная энергетика является основой энергетического баланса России, и в этой отрасли у нашей страны есть серьезные технологические и системные преимущества.

В своем выступлении Владимир Путин озвучил и сроки движения России к углеродной нейтральности — не позднее 2060 года. Это дает РФ хороший запас по времени и исключает различного рода манипуляции на тему климата со стороны наших международных (западных) партнеров. Как известно, лидеры Европейского Союза в рамках «Зеленой сделки» определили сроки климатической нейтральности ЕС — 2050 год. Как говорится, только после вас.

Поводя итог, можно сказать, что климатическая тематика будет все больше влиять на развитие мировой экономики и энергетики, но во всем этом лихорадочном движении необходимо сохранять спокойствие и избегать принятия непродуманных решений под давлением партнеров либо из желания идти в ногу с мировыми тенденциями. Российская позиция по климатической повестке должна быть продиктована исключительно национальными интересами и иметь под собой серьезную научно обоснованную базу. Для такой работы необходима консолидация отечественного научного и экономического потенциала.